

БЕНДЖАМИН
ФРАНКЛИН

ВРЕМЯ—
ДЕНЬГИ!

С современными
комментариями

GREAT SUCCESS

Great Success

Бенджамин Франклин

**Время – деньги! С
современными комментариями**

«Издательство АСТ»

1791, 2021

УДК 821.111-94(73)

ББК 84(7Coe)-44

Франклин Б.

Время – деньги! С современными комментариями /

Б. Франклин — «Издательство АСТ», 1791, 2021 — (Great Success)

ISBN 978-5-17-137185-2

Бенджамин Франклин — один из отцов-основателей, стоявший у истоков американского государства, чей портрет помещен на стодолларовую банкноту. Человек, сделавший себя сам. В результате постоянного самообразования и упорной работы над собой он стал личностью поистине мирового масштаба, полиглотом и энциклопедистом, чьи познания простирались от политики и дипломатии до естественных наук и философии. Предвосхитил появление тайм-менеджмента, разработав собственную систему управления временем. Мемуары Бенджамина Франклина — классический образчик автобиографической литературы, известный во всем мире благодаря живому, увлекательному, иногда нравоучительному языку автора. И в наши дни читатели ищут секреты успеха этого удивительного человека на страницах его автобиографии. А современные комментарии, дополняющие книгу, помогут погрузиться в исторический контекст. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 821.111-94(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-137185-2

© Франклин Б., 1791, 2021

© Издательство АСТ, 1791, 2021

Содержание

Предисловие	7
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Бенджамин Франклин

Время – деньги! С

современными комментариями

© Лорие М., наследники, перевод
© Мучкина Т., предисл. и ком.
© ООО «Издательство АСТ»

Предисловие

Жизнь Бенджамина Франклина, «самого известного в мире американца» (1706–1790), вместила в себя столько ярких событий, захватывающих приключений, громких открытий, что хватило бы на десяток незаурядно прожитых жизней.

Дерзкий мальчишка-подмастерье, сбежавший на сторожевом судне от своего деспотичного хозяина-печатника, стал блестящим публицистом, владельцем влиятельной «Пенсильванской газеты», главным идеологом зарождающейся американской нации. Он состоялся как государственный деятель, дипломат, бизнес-стратег, ученый, изобретатель, философ-просветитель.

Трудно переоценить вклад Франклина в борьбу за независимость Соединенных Штатов. Его острое перо было грозным оружием. Едкие сатиры и пламенные памфлеты Франклина обличали несправедливость английской колониальной политики, поднимали соотечественников на борьбу за свободу своей страны, склоняли мировую общественность к поддержке американских повстанцев.

Франклин принимал участие в подготовке важнейших документов по объединению американских колоний в единое государство – в том числе работал над созданием Конституции США. Он добился заключения союзного договора с Францией в освободительной войне американских колонистов против метрополии. А позднее принимал «капитуляцию» Англии, признавшей суверенитет своих бывших колоний. Франклин стал единственным, кто подписал все три важнейших документа, составивших основу американской государственности: Декларацию о независимости США, Конституцию и Версальский мирный договор.

С легкой руки Франклина в Америке появились первые публичные библиотеки, добровольные пожарные команды, силы самообороны, отряды народной милиции, страховые ассоциации, образцовое почтовое сообщение. Он основал Философское общество и академию в Филадельфии (будущий Пенсильванский университет), боролся за отмену рабства, защищал права индейцев.

Отец-мыловар когда-то позволил Бену Франклину окончить всего два класса средней школы. Но этот шустрый паренек обладал «самым ненасытным умом в Америке» и все схватывал на лету. Самостоятельно научившись читать в пять лет, он с упоением поглощал содержимое бесчисленного количества книг. И стал одним из самых образованных людей своего времени.

По всему миру гремела слава Франклина-ученого. Этот «гениальный самоучка» экспериментально доказал электрическую природу молнии, изобрел молниеотвод, объяснил принцип действия лейденской банки. Он сконструировал первый конденсатор и «электрическое колесо» – прообраз электрического двигателя; предложил обозначать заряженные частицы знаками «+» и «—»; впервые взорвал порох с помощью электрической искры. «В перерывах между более важными занятиями» Франклин придумал бифокальные очки, экономичную чугунную печь, лампы для уличных фонарей, кресло-качалку. Он сумел объяснить происхождение штормовых ветров (норд-остов) и инфекционную природу появления простуды. Он создавал научные труды по метеорологии и судостроению, исследовал распространение звука, изучал теплопроводность. Под его руководством проводились измерения скорости, ширины и глубины Гольфстрима.

Большой популярностью пользовались философские работы Франклина, в которых он отстаивал идеи «разума, свободы, демократии» и размышлял о том, как прожить «полезно, добродетельно, достойно». Главной задачей философии этот «гражданин мира» считал защиту науки от теософии, от богословских ограничений. Он проповедовал веротерпимость и свободу совести, был сторонником правового государства, «основанного на равноправии каждого

гражданина, на стремлении личности к счастью и удовольствию, на неприкосновенности частной собственности».

Популярность Франклина в мире была невероятно высока. «Его слава возносилась выше славы Лейбница, Фридриха Великого или Вольтера, а по-человечески его любили и уважали больше, – вспоминал один из отцов-основателей североамериканского государства Джон Адамс. – Едва ли можно было встретить крестьянина или горожанина, камердинера, кучера или лакея, горничную или кухарку, которой не было бы известно имя Франклина».

Люди толпами выходили на улицу, чтобы приветствовать «великого мудреца». В Париже, куда он прибыл с дипломатической миссией в 1776 году, стали пользоваться бешеным спросом «изображения его благородного лица». Портреты и бюсты Франклина украшали каждую гостиную; в моду вошли медальоны, браслеты, пудреницы, табакерки с изображением американского мыслителя. Такое всеобщее помешательство веселило и слегка раздражало французского короля Людовика XVI. Графине де Полиньяк, безмерно восторгавшейся сверхпопулярным американцем, король подарил... ночной горшок, внутри которого была камея с портретом Франклина.

Вопреки распространенному заблуждению Бенджамин Франклин никогда не был президентом Соединенных Штатов. В 1789 году, когда первым президентом США стал Джордж Вашингтон, Франклин уже редко вставал с постели. Ему шел 84-й год, его мучили камни в почках, и он вынужден был заглушать невыносимую боль, принимая настойку опия. «Ради моего собственного покоя я должен был умереть два года назад, но хотя эти годы принесли мне много страданий, рад, что прожил их, ведь они позволили мне увидеть нашу сегодняшнюю ситуацию», – писал Франклин Вашингтону, приветствуя избрание прославленного генерала на высшую государственную должность.

Именно тогда, в последние годы жизни, у Франклина наконец появилось время, чтобы возобновить работу над своей «Автобиографией». Первые главы этой книги он начал писать семнадцатью годами раньше. И вот теперь спешил, преодолевая немощь и адскую боль, завершить работу над своим увлекательным «учебником по самосовершенствованию», описывая «успешное избавление от бедности» и «преимущества отдельных типов поведения».

Когда силы были на исходе и перо выпадало из рук, угасающий патриарх диктовал текст книги своему внуку Бенни. Но так и не успел завершить задуманное. «Автобиография» обрывается на эпизоде прибытия Бенджамина Франклина из Англии в 1762 году после выполнения дипломатической миссии, то есть описывает лишь первую половину его жизни.

Эта книга стала первым пособием для self-made man (для людей, которые «делают себя сами»). Франклин оказался творцом «американской мечты» – идеи о том, что активность, трудолюбие и упорная работа над собой могут вознести человека на вершину успеха безотносительно к социальной принадлежности.

По словам писателя Уолтера Айзексона, самым интересным открытием Франклина была его собственная личность, которую он постоянно переосмысливал. Он «пытался создать новый тип американца, а материал брал из собственной души. Он тщательно выстраивал свой образ, выставляя его на обозрение публики и совершенствуя для потомков».

«Автобиографию» Франклина принято считать первым американским реалистическим романом. Происходившие события действительно описаны здесь с высокой степенью исторической достоверности. Но нельзя забывать о том, что осмысление реальности в этом литературном труде – художественное. Сделав из своей жизни книгу, Франклин «выпрямил характер и сюжет», умолчал о некоторых «неудобных» деталях своей биографии. В одном из писем он честно признается, что не включил в книгу те факты, «знание которых не пошло бы на пользу молодому читателю».

Впрочем, некоторых ошибок своей мятежной юности американский мудрец никогда не скрывал – более того, сделал их поучительными для молодых читателей, подробно рассказал об упорной работе над собой.

В «Автобиографии» Франклин описал свою знаменитую систему самоконтроля. Избрав для себя 13 добродетелей (трудолюбие, справедливость, умеренность, воздержанность, отсутствие болтливости, любовь к порядку, решительность, бережливость, искренность, чистоплотность, спокойствие, целомудрие, кротость), он методично работал над обретением каждой из них. Причем делал это последовательно, устанавливая определенный срок для укоренения новых полезных привычек. Когда этот упорный молодой человек укреплялся в одной из добродетелей, то начинал работать над обретением следующей, периодически возвращаясь к повторению пройденного. А свои проступки и недочеты ежедневно фиксировал в специальном блокноте. Такой «франклиновский журнал» вел с 15-летнего возраста Лев Толстой, всю жизнь занимавшийся самовоспитанием. Он высоко ценил Франклина и предлагал издавать сочинения американского мыслителя в специальных брошюрах для простого народа.

Юный Бенджамин быстро понял, насколько это важно – владеть искусством дискуссии, уметь договариваться с людьми. Узнав из книг по риторике о сократовском методе познания и убеждения, он немедленно испробовал это новое «оружие» и поразился его эффективности. Метод Сократа предполагает использование наводящих вопросов, которые следует задавать оппоненту в доброжелательной форме, не вступая в прямой спор.

Задавая ненавязчивые вопросы, можно подвести собеседника к более глубокому пониманию проблемы, с легкостью заставить его пойти на уступки, доказать несостоятельность его доводов, не унизив и не обидев его.

Увлечшись этой методикой, Франклин достиг выдающихся результатов в ведении дискуссий, стал побеждать даже тех оппонентов, которые были старше и авторитетнее его самого. Однако со временем он отказался от такого стиля поведения, посчитав разумным избавиться от «самоуверенности и гордыни вопрошателя».

Вместо категоричных фраз (таких как «несомненно», «разумеется») он стал употреблять более скромные и уважительные: «мне кажется, что...», «если я не ошибаюсь, то...», «возможно, вы правы, но если посмотреть с другой стороны, то...».

Такая манера общения приводила к стремительному росту авторитета Франклина. С мнением этого «разумного молодого человека» очень рано стали считаться весьма почтенные граждане. Скромность «мудреца Франклина» позднее сделала его знаменитым на весь мир.

Впрочем, он частенько иронизировал по поводу своей «маленькой слабости» – тщеславия. Но эта слабость заключалась лишь в том, что он с огромным удовольствием принимал общественное признание. На самом деле он никогда не забывал о том, что «можно быть скромным, не будучи мудрым, но нельзя быть мудрым, не будучи скромным».

Первую часть своей «Автобиографии» Франклин написал в виде обращения к сыну Уильяму. Этот ребенок был внебрачным, но Бенджамин признал его и вырастил, с младенчества окружив заботой и любовью. Позднее сын разбил сердце своего великого отца, оказавшись по другую сторону баррикад: Уильям стал убежденным роялистом и во время войны за независимость США выступил с оружием в руках на стороне Англии.

Порвав с сыном, отказавшись вызволять его из американской тюрьмы и лишив наследства, Франклин все же не вычеркнул теплые слова о нем из своей «Автобиографии». С любовью и нежностью он разговаривает с сыном со страниц своей книги. И первым делом напоминает ему о том, как важно помнить о своих корнях. Надо сказать, Уильям огорчал отца своими аристократическими замашками, пренебрежением к простым людям, забывая о том, из какой среды вышел сам. А у Бенджамина Франклина была «аллергия на пафос и привилегии потомственной аристократии». Не случайно во время своего пребывания в Англии он взял сына в путешествие в деревню Эктон в Нортгемптоншире, близ Оксфорда – на родину своих дедов и

прадедов (земледельцев и ремесленников), чтобы узнать о них как можно больше. Франклин собрал сведения о трех поколениях своих предков. На страницах «Автобиографии» он напоминает сыну о том, что это были честные труженики, умелые мастеровые, уважаемые члены общества. По словам писателя-биографа Роберта Иванова, «Бенджамин гордился не менее знатных английских дворян, старавшихся проследить свою родословную в глубинах веков, своим трудовым родом».

Среди предков Франклина были «диссентеры и бунтари» – протестанты, не изменившие своим религиозным убеждениям, несмотря на официальные запреты и гонения; вольнодумцы, выступавшие против огораживания и других проявлений социальной несправедливости.

Отец Бенджамина, Иосия Франклин, бежал в Америку в 1683 году вместе с женой и тремя маленькими детьми, спасаясь от религиозных преследований и желая поправить свое материальное положение. В Бостоне Иосия организовал мастерскую по изготовлению сальных свечей и мыла. Дела на небольшом производстве шли вполне успешно, но вырученных средств едва хватало на содержание огромной семьи, в которой родилось 17 детей.

Первая жена, Анна, родила Иосие Франклину семерых детей. Двое из них угасли еще в младенчестве, а сама Анна умерла после родов. Похоронив жену и новорожденного сына, почерневший от горя Иосия остался с пятью детьми на руках, обширным хозяйством и множеством торговых обязательств. Ему нужна была верная спутница, которая разделит с ним все тяготы жизни и заменила детям мать, – и как можно скорее. Уже через пять месяцев он женился на Абии Фолджер, дочери английского переселенца-проповедника. Эта крепкая, сильная духом женщина стала расторопной хозяйкой, любящей женой и матерью, душой и сердцем обширного семейства. Она была десятью годами младше мужа и родила ему еще 10 детей.

Бенджамин Франклин стал пятнадцатым ребенком в семье. Он был заводилой среди местных мальчишек, большим выдумщиком, искателем приключений.

Бен отличался независимым характером, живостью воображения и неодолимой тягой к чтению. Горожане охотно одалживали книги этому смышленому мальчугану – сыну почтенного мыловара.

Проучившись в школе всего 2 года, десятилетний Бен был вынужден погрузиться в семейный бизнес – помогать отцу в мастерской и в торговой лавке. Но демонстрировал такую неприязнь к мыловарению и изготовлению свечей, что отец всерьез забеспокоился, а не сбежит ли из дома этот своенравный подросток, бредящий морскими путешествиями.

Было решено отдать Бена в подмастерья к сводному брату Джеймсу, который к тому времени стал печатником и открыл собственную типографию. Двенадцатилетнему Бенджамину пришлось подписать кабальный договор: мальчик поступал в ученичество на 9 лет без права досрочно покинуть своего мастера, должен был беспрекословно выполнять его приказания, а полную зарплату мог получать только в последний год обучения.

Бен с азартом изучал печатное дело – оно явно пришлось ему по душе. По ночам читал только что отпечатанные книги. Общался с единомышленниками – кружком авторов, сплотившихся вокруг типографии и местной газеты. К этому времени относятся пробы его пера в журналистике и поэзии (первые свои статьи юный Франклин подбрасывал под дверь типографии, подписавшись женским именем – Сайленс Дугунд). Здесь он испытал радость писательского успеха (его дерзкие, остроумные очерки вызывали восторг у читателей). Вот только мастер поступал со своим учеником вовсе не по-братски, хотя они и были сыновьями одного отца. Джеймс упивался своей деспотической властью над мальчиком, часто бил его. Возможно, он не мог простить Бенджамину яркой одаренности, легкости пера, энциклопедических знаний, почерпнутых из книг. Очень скоро ученик превзошел своего учителя. Он стал виртуозным печатником и самобытным публицистом.

Всемирно известный философ Франклин позднее напишет о своем брате: «Я благодарен за его жесткое и тираничное обращение, ведь оно очень повлияло на меня, вызвав отвращение к деспотичной власти, оставшееся у меня на всю жизнь».

Когда Джеймс, учредивший собственную газету *The New-England Courant*, на какое-то время угодил в тюрьму за антиправительственные выпады, местные власти запретили ему выпускать собственное издание. И номинальным издателем газеты пришлось стать Бенджамину. Для того чтобы узаконить эту манипуляцию, был заключен «липовый» контракт, по которому Бен освобождался от ученичества (к этому документу прилагался секретный договор о продолжении срока обучения, но вряд ли Джеймс решился бы обнародовать подобное соглашение). Семнадцатилетний юноша воспользовался такой лазейкой и решил бежать из родного города, чтобы наконец освободиться от гнета старшего брата. В то время бегство было сродни преступлению – бежали либо отчаявшиеся слуги и рабы, либо преступники. За ними охотились, на них доносили.

Быстроходный парусник домчал беглеца до Нью-Йорка. Там Бен пересел на утлое суденышко, чтобы добраться до Филадельфии. Чудом избежав кораблекрушения, судно с порванными в клочья парусами долго не могло пристать к берегу. В Филадельфии Бен появился едва живым после перенесенной лихорадки – голодным оборванцем в мокрой, грязной одежде, с тремя грошами в кармане.

Слегка оправившись от перенесенных потрясений, семнадцатилетний юноша нашел работу у местного печатника. Очень скоро Бен зарекомендовал себя высококлассным специалистом, да еще и оказался одним из самых образованных людей города. На перспективного молодого человека обратил внимание губернатор Пенсильвании Уильям Кит. Он предложил юноше открыть типографию, которая могла бы качественно исполнять правительственные заказы. Пообещав дать деньги и рекомендательные письма, он отправил Бенджамина в Англию – закупать необходимое оборудование. Но по прибытии в Лондон выяснилось, что ни денег, ни рекомендательных документов губернатор так и не прислал, оказавшись крайне безответственным человеком. Юноше пришлось устраиваться на работу в одну из лондонских типографий, чтобы иметь хоть какие-то средства к существованию.

Если в те времена в Америке печатное дело только зарождалось, то в Англии оно достигло великолепного расцвета. Так что время работы в Лондоне Бен Франклин использовал как возможность повысить свою квалификацию. Он работал в одной из самых современных типографий того времени. Он имел доступ к огромному количеству книг, мог посещать театры и литературные вечеринки. Он восхищался английской журналистикой – одной из лучших в мире (она сильно отличалась от морализаторской, скучноватой американской прессы, делавшей лишь первые робкие шаги).

По возвращении в Филадельфию он недолго оставался наемным работником. Вскоре у него появилась своя типография, а потом и собственное издание – *Pennsylvania Gazette*. Эта газета стала самой популярной в американских колониях и приносила немалую прибыль.

Перед поездкой в Англию Бен Франклин был обручен с дочерью своего квартирного хозяина Деборой Рид. Они должны были пожениться после его возвращения из Старого Света. Но из Лондона Бен написал своей невесте только одно письмо, в котором признался, что не загадывает, когда ему удастся вернуться домой.

Его закружили романы с легкомысленными лондонскими барышнями, а его невеста вышла замуж за гончара Джона Роджерса. Но вскоре новоиспеченный муж промотал ее приданое и сбежал от кредиторов и обвинений в полигамии в Вест-Индию, где у него, по слухам, была еще одна жена. Дебора стала соломенной вдовой и заперлась в доме своих родителей.

Бенджамин, возвратившись домой и достигнув материального благополучия, задумался о женитьбе. Из его попыток «совместить приятное с полезным» (взять в жены привлекательную девушку с хорошим приданым) ничего не вышло. Он все чаще вспоминал о Деборе Рид, и

его захлестывало чувство вины перед ней. Старая привязанность вспыхнула с новой силой. Но молодые люди не могли узаконить свои отношения: прежний брак Деборы невозможно было расторгнуть без официальных подтверждений двоеженства или гибели Роджерса. Если бы «законный супруг» Деборы вдруг оказался жив, то за двоемужие она получила бы 39 ударов плетью и пожизненное тюремное заключение.

Дебора и Бенджамин стали жить вместе, не регистрируя свои отношения. В сентябре 1730 года она переехала в его дом. Для того чтобы вступить в гражданский брак, была еще одна веская причина: появился на свет незаконнорожденный сын Франклина, Уильям. Кем была мать этого младенца – тайна, которую Бенджамин унес с собой в могилу. Сколько ни пытались пролить хоть какой-то свет на эту историю недоброжелатели Франклина, а в последующем – многочисленные исследователи, никому ничего выяснить так и не удалось.

Дебора приняла этого младенца. Поговаривают, что она и была матерью мальчика. Но признаться в этом не могла – в противном случае оказалась бы в тюрьме по обвинению в полигамии.

Дебора была женщиной «красивой, пышной, громкой». Франклин умел «держат глаза полускрытыми» на ее недостатки, а она в свою очередь не требовала слишком многого. Искусство разумного компромисса позволило супругам построить удобную и спокойную совместную жизнь, в которой не пылала пламенная страсть, но было много тепла и милых семейных радостей. Дебора стала для Бенджамина незаменимой помощницей и верным другом.

В 1732 году у них родился сын Фрэнсис Фолджер – Фрэнки. Франклин души не чаял в маленьком сыне. Он писал, что Фрэнки был «шустрым, любознательным и особенным», «золотым ребенком, чья улыбка ярче, болтовня смысленнее, а проказы волшебнее, чем у всех других младенцев в колониях, вместе взятых». Но в четырехлетнем возрасте Фрэнки умер от оспы. До конца жизни Франклин не мог себе простить того, что отказался сделать прививку своему любимому малышу.

Позднее родилась дочь Сара. В последние годы жизни Франклина именно она стала для него главной опорой, окружила своего знаменитого отца любовью и заботой.

Франклин не был красавцем, но отличался удивительным обаянием. Рослый, мускулистый, с открытым честным лицом и обезоруживающей улыбкой, он блистал остроумием и покорял своей скромной, уважительной манерой общения. Он обладал талантом ладить с кем угодно, всегда оказывался в центре внимания и «словно притягивал к себе людей, желающих ему помочь».

В 1727 году он основал в Филадельфии клуб молодых интеллектуалов – «Хунту» (Junto). Второе название этого объединения – Клуб кожаных фартуков (Leather Apron Club). На заседаниях клуба обсуждались злободневные вопросы общественной жизни и морали, шли жаркие дискуссии на философские темы, разрабатывались планы самосовершенствования. Помимо «роскоши общения» члены «Хунты» находили в клубе поддержку многим своим деловым начинаниям. Именно члены «Хунты» помогли Франклину открыть свою типографию и получить первые выгодные заказы.

Со временем появилась сетевая организация, включающая в себя дочерние ответвления клуба. По словам писателя-биографа Уолтера Айзексона, организация Франклина была «практичной, предприимчивой, любознательной, компанейской», она «прославляла гражданские добродетели, взаимную выгоду, совершенствование себя и общества». Стараниями Франклина Филадельфия превращалась в наиболее просвещенный город Америки; в Британской империи по уровню интеллектуальной активности с Филадельфией могли тогда сравниться только два города – Лондон и Эдинбург.

«Хунта» стала для Франклина стартовой площадкой для реализации многих его проектов общественной направленности: создания первой в Америке публичной библиотеки, милиции, пожарной команды, ночной патрульной службы, первой страховой пожарной компании и т. д.

Деятельный, предприимчивый, энергичный, «вооруженный сетью ответвлений "Хунты"», Франклин бросил вызов своим ближайшим конкурентам – двум филадельфийским типографам-издателям. По сути, потребности в третьем издателе у города не было. И надо было отвоевывать себе «место под солнцем». У скромного, обходительного Франклина оказалась железная хватка. Он «на время» забыл о данном себе слове ни про кого не говорить плохо и ввязался в кампанию «черного» пиара. Он методично уничтожал газету своего конкурента Кеймера, высмеивая ее в убийственно остроумных фельетонах, которые анонимно посылал в газету другого своего конкурента – Брэдфорда. Бенджамин пользовался любым промахом Кеймера, выставлял на всеобщее обозрение его безграмотность и некомпетентность.

В конце концов Кеймер разорился и бежал из города, продав газету Франклину. Бен получил то, что хотел и с жаром принялся совершенствовать доставшееся ему «наследство».

В его распоряжении случайно оказались бумаги умершего человека, оказавшегося масоном. Бенджамин предвкушал громкий успех от серии сенсационных публикаций, раскрывающих тайны масонской организации. Но едва он затронул эту тему в своей газете, как получил предложение вступить в масонскую ложу Филадельфии. Став ее членом, он воздержался от дальнейших «неразумных» публикаций. А уже через три года достиг степени Великого магистра масонской ложи и напечатал ее конституцию.

Очень скоро «Пенсильванская газета» (*Pensylvannya Gazette*) под руководством Франклина стала самой популярной и влиятельной на всей территории североамериканских колоний.

В 1733 году, расширяя свой издательский бизнес, молодой Бен Франклин стал «творцом нового социального явления»: стал выпускать «Альманах Бедного Ричарда» (*Poor Richard's Almanack*), который превратился «в неотъемлемую часть жизненного уклада многих американцев». Легкое, непринужденное повествование от лица небогатого колониста Ричарда Сондерса изобиловало мудрыми житейскими советами, меткими афоризмами. Альманах моментально стал бестселлером и выходил ежегодно на протяжении двадцати пяти лет.

По словам писателя Уолтера Айзексона, «вымышленный Бедный Ричард Сондерс и его ворчливая жена Бриджит помогли определить будущую традицию в американском народном юморе: наивная насмешливость и простая мудрость непритязательных персонажей, которые кажутся чарующе невинными, но на самом деле готовы высмеять претензии элиты и глупость повседневной жизни». Как отмечает историк Алан Тейлор, впоследствии «длинная череда юмористов, от Дэйви Крокетта и Марка Твена до Гаррисона Кейллора, будут работать с прототипами, созданными Франклином».

Издательское дело способствовало выдвижению Бенджамина Франклина как политика и общественного деятеля. В своих изданиях этот мастер пиара привлекал внимание публики к интересующей его проблеме, предлагал пути ее решения. А заручившись общественной поддержкой, приступал к реализации своих проектов: к строительству оборонных сооружений на границе Пенсильвании во время Семилетней войны между Англией и Францией, к созданию сил самообороны, установлению дружеских отношений с соседними племенами индейцев, благоустройству улиц Филадельфии, строительству госпиталя для бедняков и т. д. А поскольку организатором он был блестящим, то, реализуя общественные проекты, получал весомый результат и горячую благодарность соотечественников. Это способствовало его быстрому продвижению по социальной лестнице.

Франклину нравилось совмещать общественную выгоду с личной. Подписчиками его газеты были влиятельные люди, государственные чиновники, вплоть до губернатора. Не удивительно, что его типография стала получать госзаказы на изготовление бланков и прочей печатной продукции. А когда Бенджамин, не без задней мысли, опубликовал анонимную статью (а потом и брошюру) о пользе увеличения количества бумажных денег для экономики Пенсильвании, он получил выгоднейший заказ на печатание денежных купюр.

Став почтмейстером Филадельфии (а потом – и всех американских колоний), он быстро навел порядок в своем ведомстве. Корреспонденция теперь доходила до адресата гораздо быстрее и не терялась по дороге. Но от этого выиграл и сам Франклин: его издания и типографские заказы вовремя доставлялись по назначению. Он не стыдился повторять, что «нет ничего более полезного и благодарного (а также в наибольшей степени способствующего удовлетворению тщеславия), чем реализация проектов, которые улучшают не только жизнь общества, но и собственное существование».

Франклин преуспевал, деньги текли рекой. Ему удалось превратить свое издательское предприятие в успешную вертикально интегрированную компанию: он организовал сеть прибыльных типографских товариществ по всей Америке, предоставлял франшизы. Часть полученной прибыли выгодно вложил в недвижимость.

Но в возрасте 42 лет (в самой середине своей жизни) он решил отойти от бизнеса. Накопление денег никогда не было для него самоцелью. Бенджамин писал своей матери: «Я бы предпочел, чтобы обо мне сказали: «Он жил с пользой для других», а не «Он умер богатым». Когда денег стало достаточно для безбедного существования, Франклин занялся более интересными для него занятиями: наукой, политикой, а позднее – дипломатией и «искусством управления государством».

«Какой смысл в философствованиях, которые не приносят никакой пользы?» – вопрошал практичный Франклин. Его научные исследования чаще всего носили прикладной характер. Изучая теплопроводность, он первым выяснил, что темные ткани лучше поглощают тепло, чем светлые. Из чего сделал вывод, что «черная ткань не очень подходит для носки при жарком солнечном климате», а стены помещения, предназначенного для сушки фруктов, следует красить в черный цвет.

Изучив конвекцию и теплопередачу, Франклин изобрел специальную печь, которую можно встраивать в камин, чтобы достичь максимального выделения тепла и уменьшить количество топлива и дыма.

Он мог бы обогатиться на этом изобретении, но отказался его патентовать, заявив, что был бы рад оказаться в ряду тех исследователей, чьими изобретениями люди пользуются бесплатно.

Но особенно впечатлили современников успехи Франклина в познании электрических явлений. В те времена считалось, что электричество имеет две разновидности, два вида «жидкости» – «стекловидную» и «смолистую», каждую из которых можно создать в отдельности. Франклин опроверг эту теорию, доказав, что «генерирование положительного заряда сопровождается созданием такого же отрицательного заряда». Это был гигантский прорыв в науке. Говоря о ценности этого открытия, профессор Гарвардского университета Бернارد Коэн подчеркивает: «Закон Франклина о сохранении заряда должен считаться настолько же фундаментально значимым в физике, как и закон Ньютона о сохранении количества движения».

На протяжении столетий молния считалась Божьей карой, явлением сверхъестественным. Она становилась причиной пожаров и разрушений, гибели людей. Франклин стал ее «укротителем». Он доказал, что это всего лишь электрический разряд, возникающий между грозовой тучей и землей, если они имеют противоположные заряды. Его знаменитый опыт был «изящно-изобретательно-остроумным». Во время грозы Франклин запустил воздушного змея из шелковой ткани. К верхнему концу змея прикреплялись заостренные проволочные стержни, а к нижнему краю влажной бечевки крепился металлический ключ. Электрический заряд молнии, стекая по проволоке и влажной бечевке, добрался до ключа. Коснувшись его, Франклин извлек искры (и, к счастью, остался жив). Он собрал несколько зарядов с ключа в лейденскую банку и доказал, что они обладают теми же свойствами, что и электричество, полученное в лаборатории.

Объяснив природу молнии, филаделфийский мудрец придумал способ защиты зданий от попадания атмосферных электрических разрядов – молниеотвод. Это простейшее приспособление, столь привычное в наше время, в те годы вызвало бурю негодования: люди тяжело расставались со своими страхами и предрассудками, восставали против того, чтобы «вмешиваться в дела Бога». Но здравый смысл все же восторжествовал – после того как Франклин провел широкомасштабную просветительскую кампанию.

В одном из своих выступлений академик АН СССР Петр Капица задался вопросом: «Как могло случиться, что Франклин, раньше никогда не занимавшийся физикой, на отлете, в небольшом городе Америки, вдали от центров мировой науки, будучи уже человеком зрелого возраста, смог за несколько лет работы возглавить развитие целой научной дисциплины?» Отвечая на этот вопрос, прославленный академик отметил: «Франклин первый правильно понял существо электрических явлений и поэтому открыл правильный путь для дальнейших исследований». Для этого вовсе не требовалось глубокой научной эрудиции, «но, главное, нужно было большое воображение, прозорливость и смелость. На начальных этапах развития науки точность и пунктуальность, присущие профессиональным ученым, могут скорее мешать выдвижению такого рода смелых предположений. <...> В начальной стадии изучения электричества требовалось, чтобы был сделан такой смелый шаг. И Франклин его сделал».

Слава, к которой был так равнодушен Бенджамин, не заставила себя ждать. Его признали одним из ведущих ученых своего времени. Крупнейшие научные сообщества и академии многих стран мира отметили научные заслуги Франклина, избрав его своим членом, присвоив ему почетное звание доктора.

В это время неутомимый филаделфийский мудрец все глубже погружался в политику. Его политическая карьера продолжалась 37 лет – с 1751 года, со времени его избрания членом Генеральной ассамблеи Пенсильвании.

В то время Пенсильвания была частнособственнической колонией: большей частью земель на ее территории владело одно семейство. В 1681 году английский король Карл II в счет погашения задолженности предоставил эти земли Уильяму Пенну. Наследники Пенна отказывались нести бремя общих забот по развитию Пенсильвании, грубо нарушая Хартию, утвержденную в 1701 году основателем колонии. Главной заботой этих «хозяев жизни» было стремление захватить как можно больше земель у индейцев и избежать налогообложения своих владений. Индейцы, которых Пенны обманным путем лишили земельных угодий, изливали свой гнев на мирных поселенцев, и безопасность колонистов становилась все более призрачной.

Ассамблея Филадельфии все яростнее противостояла собственникам колонии и их ставленнику – губернатору. А зачинщиком этой борьбы за справедливость был Бенджамин Франклин. Конфликт между колонистами и собственниками Пеннами обострился во время Семилетней войны, когда расходы на оборону сильно возросли, а семейство Пеннов не желало нести дополнительные расходы, перекладывая их на плечи простых людей.

Терпение колонистов лопнуло. В 1757 году Генеральная ассамблея Пенсильвании решила обратиться с петицией к королю – с требованием обуздать аппетиты Пеннов – и назначила Бенджамина Франклина своим дипломатическим агентом в Англии. Такое назначение свидетельствовало о признании его как политика. Но была и другая, не менее веская причина доверить Франклину важную миссию: члены Генеральной ассамблеи понимали, что мировая известность Франклина как ученого откроет для него многие двери в Старом Свете. И они не ошиблись. По словам биографа «филадельфийского мудреца» Карла Ван Дорена, «репутация Франклина как ученого пришла в Лондон раньше него самого».

Дебора панически боялась морских путешествий. Так что в Англию Бенджамин отправился без нее, взяв с собой 26-летнего внебрачного сына Уильяма. У самых берегов Англии судно чудом не разбилось о прибрежные скалы.

По прибытии в Англию Франклин первым делом встретился с Пеннами. По их требованию он письменно изложил суть разногласий Генеральной ассамблеи Пенсильвании с владельцами колонии. Начались изнурительные переговоры о более справедливом налогообложении, о расширении полномочий пенсильванской Ассамблеи. В ходе этих переговоров невозмутимому обычно Франклину не раз изменяло самообладание: нелегко было выдержать оскорбительное пренебрежение, которое демонстрировали Пенны.

Переговоры зашли в тупик. Но Франклин не сидел сложа руки. В своих памфлетах, опубликованных в английских газетах, он открыто выступал против Пеннов, обвиняя их в нанесении вреда Британской империи. Перед пэрами Англии, членами Тайного совета, он дал показания против семейства Пеннов. И склонил власти метрополии к тому, чтоб «приструнить» владельцев Пенсильвании, заставить их платить налоги в казну колонии.

В перерывах между дипломатической деятельностью Франклин с удовольствием проводил научные опыты в Кембридже, много путешествовал, собирал сведения о своих предках, устанавливал контакты с влиятельными людьми.

Прибыв на родину в 1762 году, он получил благодарность и денежную премию от Генеральной ассамблеи за выполненную миссию.

На возвращении Франклина-дипломата из Лондона в Филадельфию обрывается «Автобиография». А ведь впереди у американского мудреца была еще целая жизнь!

* * *

Сторонники Пеннов сделали все, чтобы во время очередных выборов в Генеральную ассамблею Пенсильвании очернить Франклина, обвинить во всех грехах – в том числе в растрате общественных средств. В итоге на какой-то период он лишился депутатского кресла. Но когда в 1763 году он отчитался перед Генеральной ассамблеей в своих расходах, то оказалось, что на выполнение своей миссии он потратил меньше средств, чем ему было выделено.

Ассамблея объявила ему благодарность «как за успешное выполнение долга по отношению к колонии, так и за многочисленные важные услуги, оказанные им Америке в целом». И в следующем году снова отправила в Англию в качестве дипломатического агента – с очередной петицией к королю, в которой содержалось требование лишить Пеннов права назначать губернаторов Пенсильвании.

Франклин рассчитывал выполнить новое поручение за несколько месяцев. Но оказалось, что его пребывание в Англии растянулось на десять лет.

Борьба с собственниками Пенсильвании постепенно отходила на второй план. Гораздо большую остроту и злободневность приобретали проблемы общеколониальные. После завершения Семилетней войны все более очевидными становились намерения английских властей по отношению к американским колониям: метрополия уготовила Америке незавидную роль сырьевого придатка и рынка сбыта для английских товаров. А потому сознательно тормозила развитие промышленности и торговли в американских колониях, препятствовала формированию новой нации, беззастенчиво выкачивала все ресурсы.

Поначалу взгляды Франклина не отличались особой радикальностью. Он сохранял верность английской короне и лишь стремился убедить представителей власти в пользе проведения разумной колониальной политики. В газете *The London Tribune* он писал: «Благополучие и стабильность Британской империи во многом зиждется на Америке. И хотя колонии не сильно развиты пока в экономическом отношении, но в будущем они могут стать достаточно сильны, чтобы поддерживать мощь величайшей из всех созданных в мире образований – Британской короны».

Но он все отчетливее осознавал, что рассчитывать на добрую волю английской короны бесполезно. Ситуация обострялась из-за драконовской политики в области налогообложения. Чтобы пополнить опустевшую после войны казну, британские власти вводили в американских колониях грабительские пошлинные сборы. При этом колонии не имели собственных представителей в парламенте, а значит, лишались права влиять на налоговую политику.

Последней каплей в чаше терпения американцев стало принятие английским парламентом в 1765 году Акта о гербовом сборе. Согласно этому законодательному акту, в североамериканских колониях облагались штемпельным сбором все торговые сделки, оформление любых гражданских документов, продажа печатной продукции (книг, газет, игральные карты и т. п.).

Ответом американцев стали массовые беспорядки, бойкотирование английских товаров. В Бостоне разъяренная толпа разгромила особняк вице-губернатора. Кипы гербовой бумаги, привезенной из Англии, были сожжены. Представители девяти колоний спешно собрались в Нью-Йорке на специальный конгресс, где приняли Декларацию прав и жалоб. Франклину было поручено передать этот документ английскому парламенту.

События, происходившие в Америке, англичане расценили как бунт, а Франклин в представлении английской элиты был одним из самых опасных бунтовщиков. В палате общин он подвергся унижительному допросу (видный английский парламентарий Эдмунд Берк назвал это действо «экзаменом, устроенным школьниками учителю»).

В то время европейцы имели смутное представление о положении дел в Америке. Многие из них считали, что североамериканские колонии – отсталая, малозаселенная провинция, не имеющая серьезного значения. После «допроса», учиненного Франклину в парламенте, эти представления в корне поменялись. По словам российского публициста конца XIX века Якова Абрамова, «Европа, в том числе и Англия, впервые узнала, что по ту сторону Атлантического океана образовалось уже сильное политическое тело, которое отнюдь не желает находиться под управлением чиновников английского министерства, а хочет жить по своей воле и своему разуму и способно добиться осуществления своего желания и постоять за свои права». Изумленные парламентарии слышали об экономическом и культурном росте американских колоний, об успехах в общественном самоуправлении. Франклин доброжелательно, но твердо заявил о том, что колонии «никогда не согласятся подчиниться попыткам облагать их налогами против их воли» и «не остановятся ни перед чем для защиты своих прав».

Стенографический отчет о выступлении Франклина занял около тридцати страниц и был напечатан в Лондоне, а затем во многих городах Америки. После бурных дебатов английский парламент отменил Акт о гербовом сборе, и существенную роль в этом событии сыграло выступление Франклина.

В Америке зарождалось освободительное движение, колонии все больше сближались в общей борьбе. По сути, Франклин стал дипломатическим представителем всех североамериканских колоний. А три из них (Нью-Джерси, Джорджия и Массачусетс) официально возложили на него эти полномочия. «Если бы начало революции задержалось или она бы не произошла, он стал бы генеральным агентом всех колоний в Англии. Фактически он и был таковым. Франклин был послом Америки еще до того, как она получила право послать такового», – подчеркивает Карл Ван Дорен, лучший биограф «филадельфийского мудреца».

После выступления в парламенте популярность Франклина значительно выросла. Тем опаснее стал этот «предводитель бунтовщиков» для английской верхушки. Его лишили должности генерал-почтмейстера американских колоний (несмотря на то, что организацию почтового дела он поднял на небывалую высоту). Над ним установили негласное наблюдение, его переписка перлюстрировалась, в газетах он вынужден был писать под псевдонимом. Под угрозой была его личная безопасность. А не арестовывали этого опасного «смутьяна» только из-за его громадной популярности.

Тем не менее Франклин не прекращал своей пропагандистской деятельности. В ведущих английских изданиях он напечатал десятки политических памфлетов, которые разъясняли позицию американских патриотов, «действовали отрезвляюще на более благоразумную часть английского общества», имели громадное влияние на состояние умов европейцев и американцев.

Франклин доказывал, что «сама метрополия повинна в постепенном разрушении Британской империи». Его обширные личные контакты с выдающимися европейскими учеными, мыслителями, политиками склоняли чашу весов общественного мнения в пользу американских повстанцев.

Между тем метрополия не хотела учиться на собственных ошибках. В 1767 году были введены новые таможенные пошлины на ввозимые в колонии товары. Америка вспыхнула, как пороховая бочка. Массовое неповиновение привело к отмене этих поборов. Но осталась пошлина на чай – «как подтверждение права метрополии облагать колонии налогами».

В Америке множились общества граждан, отказавшихся от употребления чая. Американцы не позволяли выгружать чайные грузы в своих гаванях. А когда в 1773 году в Бостоне королевский губернатор Томас Хатчинсон привел в боевую готовность войска, чтобы обеспечить выгрузку чая, патриоты ответили «бостонским чаепитием»: переодевшись в индейцев, проникли на суда английской Ост-Индской компании и выбросили за борт тюки чая на сумму 18 тысяч фунтов стерлингов.

Английский парламент ответил введением жестких репрессий, приближая тем самым начало Американской революции.

Еще за три года до «бостонского чаепития» произошла «бостонская резня»: в ходе уличных столкновений между колонистами и английскими солдатами были убиты трое мирных жителей и ранены пятеро. Этот инцидент раскалил ненависть американцев к английским властям до предела.

Между тем в донесениях массачусетского губернатора Томаса Хатчинсона бостонские события были выставлены совсем в ином свете. Виновниками произошедшего названы сами бостонцы, а стрелявшие в безоружных людей солдаты изображены едва ли не героями. Подобные донесения губернаторов, не соответствующие действительности, становились обыденным явлением и вводили в заблуждение английских чиновников, провоцируя их организовывать карательные акции.

Франклин решил предупредить своих американских друзей о том, что «действия метрополии в определенной степени инспирируются из самих колоний». Он отослал спикеру Палаты представителей законодательного собрания Массачусетса Т. Кашингу подлинники писем, возмутительных в своей циничности. Эти письма были написаны Томасом Хатчинсоном за два года до его назначения на должность губернатора Массачусетса. В письмах Хатчинсон ратовал за ужесточение репрессивных мер в отношении колоний. Кроме того, в этих письмах явно просматривалась личная заинтересованность Хатчинсона и его сыновей во ввозе чайных грузов Ост-Индской компании. Таким образом, письма проливали свет на истинные мотивы поступков губернатора в ходе «бостонской резни» и «бостонского чаепития».

Франклин попросил Кашинга ознакомить влиятельных политиков с этими письмами, но ни в коем случае не публиковать их. Однако письма все же были опубликованы. По обе стороны океана разразился грандиозный скандал. Законодательное собрание Массачусетса в своей резолюции потребовало от английского короля сместить с должностей губернатора Хатчинсона и его заместителя Оливера.

В Лондоне из-за пропажи писем произошла дуэль двух джентльменов. Перед вторым раундом этой дуэли Франклин опубликовал заявление о том, что вся ответственность за случившееся лежит на нем, так как именно он переслал письма в Бостон. Бенджамин не принес извинений, пояснив, что это были «не частные письма, не переписка друзей» – эти послания

«написаны государственными чиновниками для людей, облеченных властью», чтобы «настроить метрополию против своих колоний».

Вскоре он предстал перед высшими пэрами королевства – членами Тайного совета. И вновь подвергся унижительному допросу – теперь «по делу о письмах Хатчинсона». Франклина вываляли в грязи, обвинив в нарушении тайны частной переписки, назвав бесчестным человеком, приравняв его поступок к воровству. Государственный прокурор Веддеборн не выбирал выражений, набросившись на Франклина: «Этот человек нарушил священный обычай. Он глупо упал во мнении всех людей. В какое общество посмеет Франклин обратиться после этого? Каждый честный человек будет остерегаться его. Все гнусности <...> превзойдены холодной, апатичной жестокостью этого гнусного американца». Присутствующие «потешались и злорадствовали».

Но Франклин выслушивал оскорбления с таким благородным достоинством, отвечал на «площадную брань» настолько спокойно и доказательно, что заслужил уважение даже самых ярых своих противников. По словам публициста Якова Абрамова, «Франклин вышел из Тайного совета с гордо поднятой головой, сопровождаемый шепотом удивления, и популярность его, служившая щитом его безопасности, сделалась теперь еще большею, нежели была ранее».

Франклин все еще надеялся, что правящая элита Англии очнется и не доведет дело до полного разрыва с колониями. Он вел длительные секретные переговоры с лордом Чатемом и другими «вменяемыми» представителями британского истеблишмента, пытаясь найти пути урегулирования конфликта между метрополией и колониями. Позднее он писал, что долго и усердно «стремился предохранить от разрушения эту прекрасную и благородную китайскую вазу – Британскую империю» и предостерегал, что если она разобьется, то «на абсолютное воссоединение частей едва ли можно когда-либо рассчитывать».

Зная о том, что его письма вскрываются агентами Тайной канцелярии, Франклин тем не менее в своих посланиях призывал соотечественников занимать твердую позицию. Он не уставал повторять, что «на карту поставлено слишком много»: «смогут ли американцы и их будущие бесчисленные поколения пользоваться общечеловеческими правами или они будут жить хуже восточных рабов».

В письмах к американским друзьям Франклин предложил созвать Конгресс представителей всех колоний для выработки совместных действий против враждебной политики метрополии. Идея эта была воплощена в жизнь. Колонии перед лицом общей опасности забыли о всех распрях, отнеслись к форуму очень серьезно, послали туда лучших своих представителей – «действительно цвет американского населения». Континентальный конгресс приступил к работе в Филадельфии в 1774 году.

Делегаты Конгресса отчетливо понимали, что метрополия не оставляет выбора: Америке остается лишь отстаивать свою независимость с оружием в руках. Но все же делегаты предприняли последнюю попытку договориться с властями. Они обратились к английскому правительству с прошением, в котором излагались нарушения прав колоний, гарантированных английской конституцией, и содержалось требование соблюдать эти права.

Передать прошение парламенту уполномочили Франклина. К этому времени был готов план урегулирования конфликта, учитывающий интересы обеих сторон. Этот план Франклин разрабатывал совместно с лордом Чатемом – влиятельным государственным деятелем, предвидевшим разрушительные последствия игнорирования требований американцев. Но когда план был представлен парламенту, депутаты отказались даже рассматривать этот документ, ограничившись ругательствами в адрес американцев.

Франклин немедленно отправил отчет Континентальному конгрессу о реакции парламента на попытку договориться. Этот отчет, по словам публициста Якова Абрамова, «прекратил всякие колебания в американцах относительно необходимости отделиться от Англии».

Франклин писал в этом отчете: «Признаюсь, меня привело в сильное негодование все виденное и слышанное мною в Англии. Парламентские члены с министерской стороны делали самые неприличные замечания о мужестве, религии, уме и особенно о честности американцев. О нас говорили с величайшим презрением, как о самых низких людях, как о созданиях совсем не той породы, к которой принадлежат англичане Британии. Было очевидно, что они желали только притеснять нас. Все предложения их имели только одну цель – кормить за наш счет более значительное число никуда не годных паразитов».

Одновременно с отчетом Франклина в Америку пришли известия о новых репрессиях английских властей: о мерах по ограничению американской торговли, о запрете ловить рыбу на берегах Ньюфаундленда. Делегаты Конгресса определились в своей позиции: необходимо защищать свободу и независимость отечества с оружием в руках.

Франклин, чей арест был неминуем, в марте 1775 года тайно покинул Британию. Ордер на его арест выдан 13 мая 1775 года. В это время «поджигатель революции» уже был у себя на родине. Дебора, сильно тосковавшая по мужу, так и не дождалась его. Она умерла за четыре месяца до его возвращения.

В Филадельфии Франклин сразу был избран членом Континентального конгресса от Пенсильвании и назначен почтмейстером Америки. В этой должности он был полезен своей молодой стране: безупречно организованное им почтовое сообщение позволяло вовремя получать донесения из воинских подразделений в ходе начавшейся Войны за независимость.

Кроме того, Франклин отвечал за создание системы обращения бумажных денег. Он лично создавал эскизы банкнот. А чтобы затруднить подделку денежных купюр, использовал свои ботанические познания о прожилках листьев.

В Континентальном конгрессе Франклин избирался членом тридцати четырех комитетов. Он вошел в группу авторов, составлявших текст Декларации о независимости США, – редактировал окончательный вариант этого важнейшего документа, принятого в 1776 году.

Дипломатический опыт Франклина очень пригодился молодой республике. «Филадельфийский мудрец», по сути, возглавил комитет секретной корреспонденции, в ведении которого были внешнеполитические связи вновь образованного государства. Известный американский исследователь А. Деконде называет Франклина «первым должностным лицом Америки, непосредственно ответственным за внешние сношения», то есть предшественником государственного секретаря США.

Американским колониям, провозгласившим свою независимость, как воздух необходима была внешняя поддержка. Особенно важно было установить стратегическое партнерство с Францией – главной соперницей Великобритании в борьбе за колониальные владения. Эту важнейшую миссию возложили на Франклина. Ему предстояло возглавить своеобразное американское посольство в Париже.

Путешествие через океан, продолжавшееся «всего лишь» тридцать дней, совершенно измотало семидесятилетнего Франклина. Его тело покрылось фурункулами и сыпью, его мучила подагра и изводила морская качка.

Но прибыв в Пасси, тихое живописное предместье Парижа, Франклин вновь почувствовал вкус к жизни. «Я не помню, чтобы когда-нибудь видел деда в более добром здравии, – писал его любимый внук Темпл, последовавший за знаменитым дедом через океан. – Воздух в Пасси и теплые ванны <...> превратили его в молодого мужчину. Его приятная веселость заставляет каждого влюбляться в него, особенно дам».

Так началась «самая опасная, сложная и увлекательная» миссия Бенджамина Франклина. Восемь с половиной лет, проведенные в Пасси, были нелегкими, но, пожалуй, самыми счастливыми в его жизни.

Французы встретили его с восторгом. Этот мудрец и трибун свободы, «вырвавший молнию у небес и скипетр у тиранов-самодержцев», был для просвещенных французов «своим» по

настроениям и убеждениям. Он очаровывал своей обходительностью, блестящим остроумием, тонкостью суждений и манер, неотразимым обаянием «старого ловеласа». Все это было «очень по-французски».

И в то же время он был «диковинкой, которой никак не могли налюбоваться». Доктор Франклин не носил напудренных париков, изысканных кружевных сорочек и шелковых чулок. Он всюду появлялся в простом сюртуке и в мягкой шапке из бобрового меха. По словам публициста Уолтера Айзексона, «эта шапка служила символом исконной чистоты и добродетельности Нового Света, подобно тому, как неизменные очки <...> стали символом мудрости. Все это помогало ему играть ту роль, в которой и представлял его себе Париж: благородного сельского философа и простоватого мудреца из лесной глуши».

Франклин купался во всеобщем обожании. «Публика столь им занята, – писал в шифрованном донесении российский посланник в Париже князь Иван Барятинский, – что ни о чем ином более теперь и не говорят». «Американский мудрец» участвовал во всех важнейших событиях жизни французского общества и «вел образ жизни настоящего светского льва». Он был инициирован в парижскую масонскую ложу «Девяти сестер» вместе с Кондорсэ, Вольтером, Бриссо, братьями Монгольфье, Дантоном, Гильотеном.

Коллега Франклина по дипломатической миссии Джон Адамс ревностно относился к успеху «филадельфийского мудреца» у парижан. Адамс отравлял жизнь Франклину, постоянно пытаясь очернить его перед американским Конгрессом. «Жизнь доктора Франклина полна непрерывных легкомысленных развлечений, – писал в своем донесении Адамс. – Он поздно завтракает, и сразу после завтрака к нему прибывает множество посетителей в экипажах... его постоянно приглашают на званые обеды».

Но Адамс не понимал, что «если в колониальной Америке считалось порочным выглядеть праздным, то во Франции считалось вульгарным выглядеть занятым». А высокая дипломатия в Париже вершилась на балах, званых обедах и в театральных ложах.

Действенным способом расположить к себе потенциальных союзников были... шахматные партии. Однажды Франклин играл в шахматы с герцогиней Бурбон. Сделав необдуманный ход, она оставила своего короля без защиты. Франклин не растерялся и вопреки правилам снял ее короля с шахматной доски. «Мы так с королями не поступаем!» – воскликнула герцогиня. «Зато мы в Америке поступаем с ними именно так», – парировал «трибун свободы».

Никакие доносы на Франклина не могли отменить блестящего результата его усилий. Французские корабли, доверху груженные пушками, лошадьми, обмундированием и провизией, втайне от Англии один за другим отправлялись на помощь американским повстанцам. Франклину удалось добиться долгосрочных кредитов для своей страны. А когда американцы стали одерживать первые победы в сражениях, он смог убедить короля Людовика XVI и истеклишмент отправить на подмогу колонистам французские войска (которые сыграли решающую роль в победе американцев под Йорктауном).

А ведь добиться всего этого было очень непросто. Франция, еще не оправившись после Семилетней войны, испытывала финансовые трудности и дорожила хрупким перемирием с Англией. Понадобилось все красноречие американского мудреца, чтобы развеять страхи французских политиков, показать им все выгоды совместной борьбы против Британской империи и заставить пойти ва-банк в этой политической игре.

Франклин прекрасно понимал, какое магнетическое воздействие оказывает его личность, и активно пользовался этим, склоняя общественное мнение на сторону американских патриотов. Он публиковал памфлеты во влиятельных газетах, героизируя борьбу американского народа за независимость. Как отмечает публицист Яков Абрамов, «американское дело, и ранее пользовавшееся во Франции симпатиями, теперь, с прибытием во Францию Франклина, делалось здесь настолько популярным, что французское правительство вынуждено было согла-

ситься с общественным мнением и заключить с американцами через Франклина формальный союз».

Блестящая дипломатическая победа американского мудреца – подписание договора о военном и торговом сотрудничестве Франции и США в 1778 году. Без установления этого важнейшего союза дело американской революции могло бы захлебнуться.

Франклин заключил торговые договоры со Швецией, с Пруссией. И приложил немало усилий, чтобы склонить английское правительство к подписанию мирного договора, к признанию независимости США. А когда в 1783 году американская делегация все же заключила без ведома своих французских союзников мирный договор с Англией (избежав участи стать сателлитом Франции), Франклину было поручено уладить это «маленькое недоразумение», нормализовать отношения с возмущенным французским правительством. И эту непростую миссию он выполнил с большим тактом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.